

«Писцовая книга» на самом деле датируется 1561–1566 гг. Но следующие авторы, ссылаясь на пионерскую работу Грицкевича В.П. «Из истории аптечного дела в Белоруссии в период феодализма / Аптечное дело. – № 6. – Москва, 1959. – С. 57–60», упорно повторяют не совсем корректное утверждение [18]: «... в 1561 г. была открыта аптека в Пинске».

Первая «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжеств» [19], составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг., аптеки в Пинске не называет, но «Писцовая книга бывшего Пинскаго староства», составленная по велению короля Сигизмунда Августа пинским и кобринским старостою Лаврином Войною в 1561–1566 гг., называет имя пинского аптекаря [20]: «...*Thamże uleczka mała za klasztorem... Druga połacz... Stanisław Aptekarz* (подчеркнуто авт.) – 1 *Przet sielid.*», необъяснимым образом совпадающее с именем первого берестейского аптекаря. Не развивая эту тему, отметим, что в указанном источнике упоминание пинского аптекаря не датируется 1561 годом, а сама «Писцовая книга бывшего Пинскаго староства» появилась в 1566 году, что, собственно, и определяет в соответствии с принятыми правилами в исторической науке датирование всей информации, изложенной в данном источнике, т.е. было бы более корректным первое письменное упоминание аптеки в Пинске также отнести к 1566 году.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Описание староства Берестейскаго 1566 года / Документы Московского архива Министерства юстиции; под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897. – Т. 1. – С. 206, 215, 223.
2. Никитчик, А.Д. Первая Берестейская магдебургия. События и подробности получения и истории / А.Д. Никитчик, Т.А. Никитчик // Вестник БрГТУ. – № 6: Гуманитарные науки. – 2013. – С. 54–64.
3. Wolff, J. Kniżazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. – Warszawa, 1895. – С. 111.
4. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Акты Гродненского земского суда. – Т. 21. – Вильна, 1894. – С. 349–350.
5. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Акты Гродненского земского суда. – Т. 21. – Вильна, 1894. – С. 349.
6. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Акты о боярах. – Т. 24. – Вильна, 1897. – С. 36–41.
7. Описание документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. – Выпуск Х. – Акты Брестскаго гродскаго суда за 1575–1715 годы. – № 7027. – Вильна, 1913. – С. 123.
8. Описание документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. – Выпуск Х. – Акты Брестскаго гродскаго суда за 1575–1715 годы. – № 7027. – Вильна, 1913. – С. 146.
9. Метрыка Вялікага княства Літоўскага (1582–1585). – Кніга запісаў № 70. – Мінск, 2008. – С. 88.
10. Kraszewski, J. Obrazy z życia i podróży. – Wilno, 1842. – С. 179–181.
11. Описание документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. – Выпуск Х. – Акты Брестскаго гродскаго суда за 1575–1715 годы. – № 7027. – Вильна, 1913. – С. 208.
12. Акты, издаваемые археографическою комиссією высочайше учрежденною въ Вильнѣ. – Т. II. – Акты Брестскаго земскаго суда. – Вильна, 1867. – С. 62.
13. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ. – Минск, 1987. – С. 66.
14. Эльяшевич, Е.Г. Первый этап развития аптечного дела в Беларуси / Е.Г. Эльяшевич, П.Ю. Горбачёв // Вестник фармации. – № 1 (39). – Минск, 2008. – С. 89–93.
15. Описание староства Берестейскаго 1566 года / Документы Московского архива Министерства юстиции; под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897. – Т. 1. – С. 206.
16. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ. – Минск, 1987. – С. 65.
17. Писцовая книга бывшего Пинскаго староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа въ 1561-1566 годах пинскимъ и кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною (съ переводомъ на русскій языкъ). – Часть I. – Вильна, 1874. – 421 с.
18. Эльяшевич, Е.Г. Первый этап развития аптечного дела в Беларуси / Е.Г. Эльяшевич, П.Ю. Горбачёв // Вестник фармации. – № 1 (39). – Минск, 2008. – С. 89.
19. Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, составленная Пинскимъ Старостою Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552–1555 гг. – Вильна, 1884. – 714 с.
20. Писцовая книга бывшего Пинскаго староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа въ 1561-1566 годах пинскимъ и кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною (съ переводомъ на русскій языкъ). – Часть I. – Вильна, 1874. – С. 22.

Материал поступил в редакцию 02.10.16

GLADYSHCHUK A.A. Pharmacy in Berestye (Brest) – 450 years

The analysis of historical sources of emergence of the first drugstore in Berestye in 1566 is for the first time provided in work, the full name and an origin of the owner of a drugstore and his spouse is told. Arguments of shift of the first written mention of a drugstore in Pinsk for 1566 are adduced.

УДК 56.57

Стрелец М.В., Климович В.О.

О ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ В БЕЛАРУСИ ДОСТОВЕРНО, КОМПЕТЕНТНО, УБЕДИТЕЛЬНО

Введение. В отечественной научной литературе ощущается явный дефицит публикаций, посвящённых изысканиям израильских учёных-историков. Авторы выносимой на суд читателей публикации попытались внести лепту в преодоление подобного дефицита. Цель настоящей рецензии: провести комплексный анализ книги старшего научного сотрудника центра диаспоры при Тель-Авивском университете Леонида Смиловицкого «Еврейская жизнь в Беларуси: последнее десятилетие сталинского режима, 1944–1953» [1].

История человечества свидетельствует о разных опытах сосуществования титульного и нетитульных этносов, что детерминировалось государственной политикой. Власть имущие по-разному относились и относятся к вопросу о религиозной и культурной идентификации нетитульных этносов. Это сполна ощутили в своей истории белорусские евреи.

Вопрос о религиозной и культурной идентификации белорусских евреев может анализироваться только на базе принципа историзма.

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Климович Вероника Олеговна, студентка четвертого курса исторического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224016, г. Брест, бул. Космонавтов, 21.

Избрав в качестве предмета исследования еврейскую жизнь в Беларуси в 1944–1953 гг., израильский учёный поступает абсолютно правильно, начиная процесс изложения с исторического экскурса. Данный экскурс содержится во введении. Тем самым автор сигнализировал о том, что будет придерживаться заранее оговоренных хронологических рамок. Временной отсчёт экскурса начинается с конца XIX века. Именно по состоянию на конец XIX века даётся исходный портрет белорусского еврейства. Главное во введении: акцент на точках бифуркации, которые детерминировали еврейскую жизнь на белорусской земле до Холокоста. Первая точка бифуркации – Первая мировая война, вторая – октябрьский переворот 1917 года, третья – Гражданская война, закончившаяся победой большевиков-ленинцев. Что же означала эта победа в контексте религиозной и культурной идентификации евреев?

Хорошо известно, что еврейская национальная культура существовала и существует на двух языках: иврите и идиш. На иврите евреи разговаривали с момента своего появления на свет. Именно на иврите написаны тексты, которые заложили религиозный фундамент еврейства. Естественно, что с ивритом связан самый большой пласт еврейской культуры, который, по логике вещей, нельзя противопоставлять идишистской культуре. Сначала большевики-ленинцы увлеклись формулой «еврейство минус иврит», затем на повестку дня была поставлена формула «еврейство минус идиш».

При реализации первой из названных формул слуги сталинского режима официально заявляли о том, что еврейский язык имеет все права наравне с иными, но вместе с тем жестко отождествляли этот язык именно с идиш. Они не скрывали, что желают, чтобы идишистская культура выполняла ту идеологическую функцию, которая вписывается в идеологию ВКП(б). Первая формула фактически работала до середины 1930-х гг. Аналогичный отрезок времени нельзя оценивать однозначно. Партийный контроль со временем усиливался, что отрицательно влияло на развитие идишистской культуры. Вместе с тем, в этом плане прослеживается много достижений, которые перестали подкрепляться в связи с возведением антисемитизма в ранг государственной политики. Данное изменение в государственной политике совпало с началом реализации другой формулы.

Заметим, что национальная политика на еврейском направлении напрямую касалась и религии. Эту политику проводило атеистическое государство, враждебное иудаизму. Конечно, здесь были свои нюансы. Сначала прослеживалась определённая осторожность в отношении иудеев. Большевики-ленинцы опасались, что лобовая атака на иудаизм даст основания для подозрений в антисемитской сущности политики властей. Поэтому решили действовать тихой сапой. Ситуация стала кардинально меняться по мере укрепления режима личной власти Сталина. Был до предела раскручен маховик репрессивной машины системы воинствующего атеизма. Из еврейской жизни в БССР исчезли иешивы, хедеры, резко ухудшились условия существования синагог, молитвенных домов, многие раввины стали узниками сталинского архипелага ГУЛага.

Ликвидация многопартийности в БССР затронула, естественно, и еврейские партии. Они были важнейшей частью институциональной структуры, призванной защищать интересы еврейского населения БССР. Конечно, эти партии находились на разных дистанциях от власти. Они отличались по своей идеологической природе, программным, стратегическим, тактическим установкам. Можно, конечно, спорить насчёт эффективности защиты ими интересов своего народа. Но, несомненно, что белорусским евреям было комфортнее при наличии собственных политических партий.

Архитектоника рецензируемой монографии выигрывает от стремления автора дать в первой же главе исчерпывающий демографический срез портрета белорусского еврейства. Применяя сравнительно-исторический метод, учёный выбрал две контрольные точки. Первая совпадает с кануном Второй мировой войны, вторая – с её окончанием. Осуществлён методологически верный отбор статистических данных касательно каждой контрольной точки. При этом преобладают собственные авторские подсчёты. Взору читателей предстают не голые квантитативные показатели, а цифры, каждая из которых подробно и, главное, весьма квалифицированно трактуется

старшим научным сотрудником центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Подобные трактовки вкупе с эксклюзивным статистическим материалом маркируют важную веху в анализе влияния Холокоста на демографические изменения в истории отечественного еврейства. Конечно, Л. Смиловицкому было бы гораздо легче проводить сравнительно-статистический анализ, если бы в 1945 году имела место перепись населения в нашем Отечестве. Кстати, он просто виртуозно поработал с итогами соответствующей переписи 1939 года касательно евреев. Но, увы, советским гражданам пришлось ждать очередной переписи целых двадцать лет. Данные на 1959 год, конечно же, никак не коррелируются со второй контрольной точкой. Демографический срез портрета белорусского еврейства показан и по горизонтали, и по вертикали. В этой связи следует обратиться к сотрудникам отечественных музеев. Если у них есть потребность в отражении в музейной экспозиции демографического профиля местной иудейской общины после окончания Второй мировой войны, то они найдут всю необходимую информацию в первой главе монографии. Учёный даёт такую информацию по каждой из действовавших тогда общин, без всяких изъятий и исключений.

Информация, собранная властями о людях, присоединившихся к религиозным общинам, показывает, что это были в основном люди 50 лет и старше, относящиеся к более низкой ступени образовательно-профессиональной иерархии. Более молодые и образованные евреи предпочитали отдаляться даже от легальной еврейской деятельности. Такое поведение было свойственно советским евреям ещё с 20-х и 30-х годов, и после войны эта тенденция только усилилась и радикализировалась, и, как результат, религиозная деятельность стала уделом исчезающего поколения. Так, например, возраст 61 члена еврейского религиозного общества в Мозыре на юге Беларуси был от 50 до 89, из которых большинство составляли кустари, домохозяйки, инвалиды, а также простые рабочие.

Читатель открывает для себя много нового, внимательно прочитав страницы, посвящённые влиянию войны на положение синагог, отношению к ним местных жителей после окончания войны. Они свидетельствуют, что белорусским иудеям пришлось начинать практически с нуля, в условиях, когда титульный этнос не демонстрировал готовность к цивилизованному сосуществованию с уникальным нетитульным этносом, который по классификации ЮНЕСКО соответствует всем признакам коренного. «К лету 1944 г., когда территория Белоруссии была освобождена, синагог и молитвенных домов почти не осталось. Они были уничтожены и разграблены, это распространялось на их утварь, внутреннее убранство и мебель, были изъяты древние свитки Торы, погибли ценные библиотеки. В Кобрине в помещении центральной синагоги (памятник архитектуры XIX в.), уцелевшей из 7 довоенных синагог, открыли пивной завод. В Лунинце было разрушено 4 синагоги – две на Припятской улице, одна на Объездной (ныне Кулакевича) и одна на улице Пантелеева (современное название). В Борисове местные жители разобрали синагогу «Слободскую», построенную в 1840 г. – единственную уцелевшую из 13 синагог Борисова в предвоенный период. Её оборудование и имущество было разграблено, а священные свитки, молитвенники и религиозная литература использованы, как кровельный материал и топливо. Из Минска в Германию вывезли крупнейшее в Советском Союзе собрание еврейской литературы в 50 тысяч томов» [1, с. 51].

Авторы настоящей рецензии представляют Западную Беларусь и считают необходимым подчеркнуть, что до начала Холокоста западные области БССР явно превосходили восточные по вопросу о религиозной и культурной идентификации евреев. Санационный режим, в условиях которого жили западнобелорусские евреи до осени 1939 года, при всём его антисемитизме не был атеистическим.

Будучи коренным народом, евреи отложили культурный пласт, который израильский учёный блестяще постиг, продемонстрировав фундаментальные познания по истории архитектуры. Проведена дифференциация синагог по прочно устоявшимся ценностным критериям. В монографии читаем: «Ряд уцелевших синагог представлял историческую и художественную ценность и должен был охраняться государством, как памятники архитектуры. Встречались готика, ренессанс, барокко, эклектика (смешение разных стилей). К культурным

сооружениям, здания которых ещё могли быть восстановлены, отосило синагога крепостного типа в Пинске и Новогрудке (XVII в.), «холодная синагога» в Минске, синагога в Ружанах и в Столине (XVIII в.), деревянные синагоги в Мстиславле, Наровле и Зельве. Самой древней из оставшихся была синагога в Шклове (1625), а также синагога крепостного типа в Быхове, барочная синагога в Слониме (1642). Синагога в Ошмянах XIX в. имела куполообразный потолок, расписанный на астрологические темы и ряд других. Из общей застройки в разной степени выделялись здания синагог в Барановичах (1895), Крево и Шклове начала XX в., Волковыске, Каменце, Слониме, Пружанах, Дятлове, Гомеле, Могилеве, Минске, а также ряд синагог в Гродно, Витебске и Бобруйске. Большинство синагог и бейт-мидрашей занимали рядовые здания или несколько комнат в жилых домах. Их внутренне убранство часто не отличалось роскошью и богатством» [1, с. 51–52].

В послевоенный период иудейские общины БССР имели дело с тем же атеистическим государством, что и до войны. В период войны был временной промежуток, когда прослеживалась оттепель в отношении вождя народов к духовенству, рядовым верующим. Но он относительно быстро закончился, что отразилось на организационной структуре процесса разработки и осуществления политики советского государства в указанном направлении. Имеется в виду появление за год до Великой Победы, когда исход войны был предрешён, Совета по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР (с 1946 года Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР). У Совета было тройное функциональное назначение, которое весьма обстоятельно проиллюстрировано на примере иудейских общин БССР во второй – пятой главах. В тройное функциональное назначение входило установление и поддержание постоянных контактов между государством и религиозными общинами, бдительный контроль применения законодательства советскими органами, тщательная проверка его исполнения этими органами. В структуре высших исполнительных органов субъектов советской федерации, автономных республик, краёв и областей появились уполномоченные Совета. Израильский учёный показывает, что уполномоченные по БССР и областям республики имели «низкий интеллектуальный уровень, отличались поверхностными религиозно-ведческими познаниями, не котировались в номенклатурной табели о рангах» ...; не имели тех благ и привилегий, которые были характерны для основной части номенклатурной прослойки своими уполномоченными [1, с. 34]. В цивилизованных странах подобные Советы в духе общечеловеческих ценностей регулируют весь комплекс отношений по линии религиозные общины – властные структуры. В послевоенной БССР всё было совершенно иначе. Совет проявил себя как «аппарат контроля» [1, с. 36] и притеснений. Факты, которые приводятся в главах 2-5, неопровержимо свидетельствуют о том, что «подход Совета состоял в строгом исполнении курса властей по нажиму на религиозные общины» [1, с. 32] и составлению препятствий их деятельности всеми возможными методами. Конечно, чиновники, работавшие в Совете, понимали, что власти будут терять пропагандистские очки, если дело дойдёт до огласки политики, направленной на «закрытие еврейских религиозных общин, и поэтому Совет в основном вёл политику по принципу «Запретить не запрещая» [1, с. 245], то есть маскировать настоящие намерения формалистикой.

Для внешнего потребления Совет активно тиражировал тезисы об уважении чувств верующих, о том, что нет и не может быть деления религиозных конфессий в СССР на «привилегированные и непривлекательные» [1, с. 31]. Приблизительно до 1948 года складывалось впечатление, что советские иудеи сплошь и рядом купились на эти пропагандистские ходы. «В течение первых послевоенных лет верующие сохраняли иллюзии на реальную возможность возобновить нормальную жизнь синагоги. Они ... настоятельно добивались законного оформления общин. Однако действительность их разочаровала, и регистрация большинства общин и групп не состоялась. Несмотря на это, религиозная жизнь в Беларуси не угасла. Она продолжалась негласно» [1, с. 29]. Органы государственной безопасности и партийные комитеты на местах не исключали возможности, что

«прикрываясь маской религиозности, группы верующих используются сионистами для антисоветской работы. Следует заметить, что под «сионистами» советские власти понимали людей, не утративших чувство национального достоинства и осмелившихся реагировать на ущемление своих прав» [1, с. 59]. Учёный показывает, что в эпоху позднего сталинизма происходило резкое сокращение числа синагог. На момент смерти Сталина в БССР были официально зарегистрированы всего лишь две иудейские общины.

Нет нужды доказывать азбучную истину: любая синагога, любой молитвенный дом могут реально функционировать только благодаря достаточной финансовой подпитке. В цивилизованном обществе власти нормально относятся к тому, что содержательной стороной данной подпитки является денежный массив, совпадающий с общей суммой пожертвований. Именно так формировалась финансовая основа иудейских общин в БССР. «Пожертвования имели разные формы: постоянные поступления, которые фактически принимали характер членских взносов; вклады, связанные с особыми случаями или событиями в жизни верующих и членов их семей (именины, свадьбы, рождение ребенка, юбилеи, похороны). Наконец, вклады в знак уважения, проявления внимания к вере. Эти формы передачи средств были издавна приняты у евреев в Беларуси, как и Восточной Европы вообще» [1, с. 80]. Коммунистическая номенклатура рассмотрела в подобных жертвованиях опасный для советского общества «еврейский национализм» [1, с. 80]. По её вине иудейские общины не имели легальных источников финансирования. «Отношение к финансированию еврейских обществ разоблачало политику двойного стандарта со стороны властей» [1, с. 80]. В 1946–1953 гг. «зарегистрированные еврейские общества в Минске, Бобруйске и Калинковичах ни разу не воспользовались предоставленным им правом юридического лица, чтобы открыть счета в отделении Государственного банка и осуществлять финансовые операции» [1, с. 261].

Рассматривая положение белорусских иудеев в эпоху позднего сталинизма, автор монографии уделяет особое внимание следующему обстоятельству. Несмотря на то, что наступление на иудаизм проводилось в Советском Союзе в рамках общей антирелигиозной кампании, еврейские верующие оказались в более тяжелых условиях, чем представители остальных конфессий, потому что на них дополнительно давил пресс государственного антисемитизма. В конце 1940-х начале 1950-х гг. режим начал вмешиваться в сугубо каноническую сферу. По указанию ЦК ВКП(б) Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР обязал всех своих уполномоченных запретить православным священникам произносить при чтении отпевальной молитвы «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко» слова о славе народа Израиля (Евангелие от Луки, 2:32).

Хорошо известно, что любая религиозная община может выполнять соответствующую её названию функцию при условии использования религиозной литературы. Не имели проблем в плане издания подобной литературы православные, католики, мусульмане, проживавшие в СССР. Они строили издательский процесс, заручившись согласием советских властей. Положение иудеев по этому вопросу было с точностью наоборот. Израильский учёный пишет: «Выпуск еврейской религиозной литературы, книг по традиции, молитвенников, календарей, любых других изданий на иврите, изготовление предметов культа оказались запрещены. Меры противодействия были заранее продуманы, хотя на местах могли носить и стихийный характер: оскорбление чувств верующих, хранение священных книг в непригодных условиях, умышленная порча и открытое уничтожение религиозных изданий» [1, с. 179–180].

По вине советских властей у белорусских иудеев возникали колоссальные проблемы, связанные с кошерной пищей. Кошунственно относятся к чувствам верующих, они сделали эту пищу объектом запретов. В книге читаем: «Соблюдение кашрута считалось одним из центральных составляющих в иудейской традиции. Значительные материальные трудности послевоенного разорения в Белоруссии не позволяли строго придерживаться установленных правил. В этих условиях запреты кошерной пищи были циничными, свидетельствовали о сознательном пренебрежении нуждами немногих оставшихся членов миньянов и синагог. В ряде мест чиновники допускали оскорбления,

предлагая евреям принимать в пищу свинину и изделия из неё. Защищать достоинство и права верующих от посягательства властей было некому. Наказания за использование в пищу кашерных продуктов в конце сороковых и начале пятидесятых годов были номинальными. Однако изоляция, в которой находились еврейские верующие, ставила их почти в безвыходное положение» [1, с. 145].

Один из авторов настоящей рецензии постоянно ловит себя на мысли: «Где та лакмусовая бумажка, с помощью которой можно определить наиболее сохранившийся компонент религиозной идентификации белорусских евреев?» Он, конечно, помнит, как при власти коммунистов абсолютное большинство его соотечественников отменяло главный христианский праздник. Не посещая церковь, большинство граждан БССР фактически праздновало Пасху, демонстрируя, что не являются рабами системы воинствующего атеизма. Принципиально важно отметить, что слово «пасаха» еврейского происхождения, происходит от слова «песах». Песах – главный религиозный праздник евреев. Отношение к нему и есть та лакмусовая бумажка, о которой сказано выше. Очень важно, что учёный прослеживает празднование песаха сквозь призму диалога поколений, показа иудеев в интерьере белорусских этноконфессиональных реалий. Л. Смиловицкий пишет: «В течение длительного времени традиция еврейской Пасхи оставалась устойчивой. Безобидный внешне обычай изготовления и употребления в пищу мацы в пасхальную неделю принимался властями с большими подозрениями. Пробовать мацу считали своим долгом не только верующие, но и неверующие евреи. Мацу предлагали детям, которые требовали подробных разъяснений о её происхождении. Это сопровождалось рассказами об истории происхождения и значении традиции Песаха. Трудно было избежать, чтобы родители и старшие члены семьи, дедушки и бабушки не делились при этом воспоминаниями о старых временах, когда они впервые попробовали мацу и описывали свое к ней отношение. Это рождало, своего рода, цепную реакцию, когда одно звено неизбежно влекло за собой другое, подчеркивало отличие евреев от других народов, их особом месте в истории и взаимоотношениях с Богом. Накануне Пасхи имели место трения и конфликты с христианами верующими, для которых Пасха имела не меньшее значение, но описывалась и толковалась совершенно иначе. Мифы об использовании евреями христианской крови ("кровавые наветы") оживали именно в это время. Несмотря на все препятствия, евреи Белоруссии в послевоенные годы оставались верными традициям Песаха, который оставался олицетворением национального возрождения» [1, с. 107].

Гонения и преследования евреев советскими властями в анализируемый период были детерминированы различными факторами. Одним из ключевых был фактор межсистемной конфронтации. После того, как эта конфронтация перестала быть вялотекущей, приобрела разительный размах, коммунистическая номенклатура в своей антизападнической истерии дошла до утверждения, что синагога – это «инструмент политического давления Запада. Еврейские верующие казались нелояльными гражданами, которые использовали синагогу, как канал связи с противниками Москвы. Эти подозрения усилились после образования государства Израиль в 1948 г. и перерождения его в сторону Соединенных Штатов Америки. Коммунистические идеологи представляли симпатии советских евреев в пользу Израиля, как «еврейский национализм», и готовность к сотрудничеству с международным империализмом» [1, с. 240]. Перечисленные моменты предопределили появление нового этапа в антииудейской политике советского государства. Он оказался для иудеев гораздо менее удовлетворительным, чем предшествующий. Иудеи БССР столкнулись с такими реалиями: «прекратилась регистрация религиозных иудейских общин, не разрешалось восстанавливать синагоги и открывать миньяны, издавать религиозную литературу, соблюдать традицию, изучать Тору и вступать в контакт с международными иудейскими центрами» [1, с. 240].

Хорошо известно, что Беларусь за годы войны потеряла каждого третьего. Одну треть всех потерь составили представители еврейского этноса. Нацисты и их подручные уничтожили 800 000 белорусских евреев только за то, что они были евреями. Коммунистическая номенклатура по всем статьям проиграла суд совести, отказывая отечественным евреям в увековечении памяти жертв Холокоста.

Никак не способствовало формированию культуры памяти в нашем Отечестве то, что оно не признавало уникальности Холокоста как политики направленного уничтожения еврейского населения. Памятники в разных уголках БССР, установленные в местах массового уничтожения евреев, имели «стандартные надписи следующего содержания: «В память о мирных гражданах города (посёлка, деревни), расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками» [1, с. 127]. Тем самым исключались указание на то, что здесь покоятся уничтоженные нацистами евреи, надписи на иврите и идиш, изображение звезды Давида. Учёный исчерпывающе объясняет поведение коммунистической номенклатуры. Для такого подхода было несколько причин. Прежде всего, власти не желали, чтобы у населения СССР сложилось представление, что «только евреи были ультимативными жертвами нацистов» [1, с. 127]. Во-вторых, в исследуемый период в СССР происходил процесс создания иерархии героизма в Великой Отечественной войне по национальному признаку. Центральный принцип этой иерархии гласил, что русский народ (в более расширенном варианте – славянские народы) положил наиболее великую жертву на алтарь победы над нацизмом, а так же проявил самый большой героизм ради достижения победы. «Место евреев СССР, как в плане жертв, так и в плане героизма целенаправленно замалчивалось. Вдобавок к этому власти не хотели, чтобы у населения СССР сложилось представление, что кровопролитная война велась ради спасения евреев, а заодно поднимать проблему участия людей разных национальностей, проживавших под немецкой оккупацией и участвовавших в уничтожении еврейского населения на оккупированных нацистами территориях» [1, с. 178]. Всё это привело к тому, что евреи, борющиеся за увековечивание памяти жертв Холокоста, обвинялись в национализме и некоторые даже пострадали из-за этого.

Объектом антисемитской политики советского государства в эпоху позднего сталинизма стала и идишистская культура. О том, как сложилась её судьба в эту эпоху, рассказывается в главе шестой. Известно, что на протяжении многих лет визитной карточкой белорусской идишистской культуры был Белорусский государственный еврейский театр (ГОСЕТ). Он существовал с 1926 года. По самым высоким меркам оценивалась режиссура Л.М. Литвинова, А. Айзенберга, Б. Норда. Взыскательная публика рукоплескала блестящей игре актёров Иды Берковской, Песи Вольпиной, Иды Высоцкой, Эммы Дрейзиной, Нехамы Зальцман, Кузмы Кулакова-Рутштейна, Софьи Лемберг, Александра Могилевского, Лии Нельсон, Ревекки Михайловны Рубановой, Фани Ефимовны Цыпкиной. Превосходное сценическое воплощение получили произведения И.Л. Переца, Шолом-Алейхема, У. Шекспира, Мольера, Аврома Вевьерко, Л. де Вега, Д. Бергельсона, А. Корнейчука, Н. Погодина, А. Безыменского, И. Добрушина, Э. Толлера, Л. Резника, И. Аксенофельда, Л. Славина, Б. Джонсона, С. Кингли, М. Горького, К. Гольдони, И. Бабеля, С. Галкина М. Кульбака, А. Гольдфадена, Б. Шоу, А. Островского, П. Маркиша, К. Симонова, А. Витензона. Театр находился в зените славы в 1930-е годы. В годы войны его эвакуировали в Новосибирск, где реализовать творческий потенциал было намного труднее, чем в Минске. Далее автор описывает историю театра следующим образом. Активисты культуры на идиш почувствовали перемену в отношении властей уже в конце войны, когда власти вернули в освобождённую Беларусь театры, которые были эвакуированы на восток в начале войны, а Белорусский ГОСЕТ был возвращён лишь летом 1946 после многочисленных просьб. Вдобавок, в том же году деятели еврейской культуры во всём СССР получили требования от властей не подчёркивать национальный (т. е. еврейский) аспект в своих произведениях. В 1946–1948. Положение Белорусского ГОСЕТ резко ухудшилось из-за отмены финансирования властями и ограничением деятельности, и в марте 1949 он был закрыт. «Чёрная ирония» была в том что «имущество ГОСЕТ было передано русскому драматическому театру, который позже переехал в отремонтированное здание бывшей Минской хоральной синагоги» [1, с. 195].

Глава седьмая интересна показом реальной причастности еврейского населения БССР к партийному аппарату, руководящему сегменту народнохозяйственного комплекса. До войны власти не придавали особого значения пятой графе в паспорте, решая вопрос

о важных кадровых назначениях. Поствоенные реалии в этом вопросе были иными. «В конце войны евреи, как и ранее, были представлены как в партии, так и в её аппарате. Так, в 1945 г. в КП(б)Б состояло 2702 еврея (9.5%). Для сравнения в 1941 г. было 15,572 евреев-членов КП(б)Б (21.6%)» [1, с. 200]. Одновременно евреи составляли только 2.9% функционеров партийных и правительственных учреждений, 8.1% функционеров в региональных комитетах, 8% функционеров низовых организаций КП(б)Б, и 10.2% старших директоров в республиканском хозяйстве. Такой дисбаланс только усугубился к концу 1940-х, когда прослеживалась явная тенденция по отдалению евреев от руководящих позиций в органах власти. Это можно видеть на примере того, что в 1949-м «не было больше назначений евреев на должность глав городских партийных комитетов, а также на должность первого секретаря региональных комитетов комсомола. В том же году ни один еврей не был принят в высшую партийную школу ЦК КП(б)Б, которая подготавливала кадры для главных и ответственных должностей в партийном механизме» [1, с. 201]. Таким образом, власти отталкивали евреев от правительственных кругов. Единственной социальной нишей, в которой власти позволили более массовое участие евреев, были руководящие должности среднего ранга, а также те должности, в которых евреи были незаменимы для нужд послевоенного восстановления хозяйства республики благодаря своей квалификации и профессионализму.

Содержательная сторона восьмой главы такова: возможности и границы контактов белорусских евреев со своими зарубежными соплеменниками. Сталинский режим заявлял на международной арене, что эти контакты возможны. Есть заявления и есть реалии. Многочисленные факты, которые приводит старший научный сотрудник центра диаспоры при Тель-Авивском университете, свидетельствовали о том, что они явно не совпадали. «Иллюзии и надежды, имевшие место в первые годы после окончания войны с Германией, на ослабление изоляции советского еврейства от международного сообщества, не оправдались» [1, с. 263]. В условиях начавшегося идеологического противостояния с Западом в рамках «холодной войны» подобные шаги воспринимались советским режимом с большим подозрением. Во внимание не принимались «предложения об оказании гуманитарной и благотворительной помощи, поставках продовольствия, медикаментов и оборудования, шаги, направленные на культурное сотрудничество, апелляции к жертвам Катастрофы и даже воссоединение семей» [1, с. 262]. «Все это самым пагубным образом сказывалось на положении немногочисленных еврейских общин Беларуси, остро нуждавшихся в духовной поддержке и материальной помощи извне» [1, с. 217].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. всё шло к тому, что Сталин довершит то, что начал и активнейшим образом осуществлял Гитлер. Если бы не смерть вождя народов, случившаяся в еврейский праздник Пурим, произошла бы всеохватывающая депортация советских евреев на Дальний Восток. В эти годы прозвучало три тревожных звонка для советских евреев. Первый тревожный звонок датируется 13 января 1948 года. Сталинские чекисты лишают жизни Соломона Михоэлса. Сие действие происходило в столице БССР под личным патронатом главного белорусского чекиста Цанавы. Второй

тревожный звонок – трагический финал истории Еврейского Антифашистского Комитета. Третий звонок такого рода – состряпанное сталинскими чекистами, насквозь надуманное «дело врачей». Девятая глава содержит ответ на вопрос: как эти звонки повлияли на жизнь белорусских евреев? Данное влияние было только со знаком минус. Резко усилились репрессии а отношении тех отечественных евреев, которые принципиально выступали за сохранение религиозной и культурной идентификации данного этноса.

Самый убедительный аргумент автора – опора на документы и материалы, впервые вводимые в научный оборот. Базис эксклюзивных источников был заложен по итогам работы в архивах. Весьма внушительно выглядит перечень настоящих архивов: Национальный архив Республики Беларусь (= НАРБ) в Минске, Национальный исторический архив Республики Беларусь (= НИАРБ) в Минске, Государственный архив Брестской области (= ГАБО) в Бресте, Государственный архив Могилевской области (= ГАМО) в Могилеве, Государственный архив общественных объединений Могилевской области (= ГАО-ОМО) в Могилеве, Государственный архив Российской Федерации (=ГАРФ) в Москве, Российский государственный архив социально-политической истории (= РГАСПИ) в Москве, Российский государственный архив экономики (= РГАЭ) в Москве, Yad Vashem Archives of the Holocaust Martyrs' and Heroes Remembrance Authority (= YVA) in Jerusalem, Archive of the Oral History Department of the Contemporary Jewry Institute, Hebrew University of Jerusalem (АОНДЦИ), Архив КГБ. Учтён также колоссальный информационный блок, почерпнутый из энциклопедических выпусков, периодических изданий. По полной программе был реализован метод устной истории. География опрашиваемых лиц была широкой. Здесь и наши нынешние соотечественники, и бывшие соотечественники, оказавшиеся на Земле Обетованной, по обе стороны Атлантики, на Зелёном Континенте, и их потомки.

Проявляя высокую исследовательскую культуру, автор исчерпывающе показывает вклад своих предшественников в разрабатываемую проблематику. Имеются в виду следующие учёные: Мордехай Альтшуллер, Яаков Рои, Давид Фишман, Шауль Штампфер, Аркадий Зельцер, Альберт Каганович, Бенцион Гольдберг, Алиса Бенпорад, Авраам Гринбаум. Сделаны ссылки на без малого 150 публикаций коллег по цеху, из которых четверть англоязычные.

Заключение. Ценность рецензируемого труда поистине огромна. Осуществлена системная реконструкция истории евреев БССР 1944-1953 гг. Внесён серьёзный вклад в постижение феномена сталинизма, истинной сущности национальной политики КПСС.

Монография весьма удобна для пользования. Отличным подспорьем для читателя являются именной и географический индексы. Имеются поистине хрестоматийные приложения. Один из авторов настоящей рецензии использовал их в учебном процессе с помощью мультимедийных средств и готов поделиться с коллегами этим опытом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Leonid Smilovitsky, Jewish Life in Belarus. The Final Decade of the Stalin Regime (1944-53), Budapest – New York, Central European University Press, 2014. – 327 p.

Материал поступил в редакцию 26.10.16

STRELEZ M.V., KLIMOVICH V.O. Jewish life in Belarus credible, competent, persuasive

In national literature there is a clear shortage of publications on investigations of Israeli scholars and historians. The authors submitted the publication to the readers court with the aim to overcome mentioned shortage. The purpose of this review: a comprehensive analyses of the book by senior researcher Diaspora Center at Tel Aviv University Leonid Smilovitsky "Jewish life in Belarus: the last decade of the Stalinist regime, 1944-1953"

The value of the reviewed research is immense. It implemented system reconstruction of the history of the Jews of BSSR 1944-1953 and brought a serious contribution to the comprehension of the phenomenon of Stalinism, as well as helped to understand the true essence of the national policy of the CPSU.

The monograph is very convenient to use. An excellent tool for the reader is the nominative and geographical indexes. There is a massive application. One of the authors of this review used this application in his teaching with the help of multimedia tools and he is willing to share his experience with colleagues.